ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГЕОГРАФИИ

УДК 911.37

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МОСКВЫ: ОСОБЕННОСТИ И СТРУКТУРА

© 2019 г. О. И. Вендина^{1, *}, А. Н. Панин^{2, **}, В. С. Тикунов^{2, ***}

¹Институт географии РАН, Москва, Россия

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, Москва, Россия

*e-mail: o.vendina@gmail.com

**e-mail: alex_panin@mail.ru

***e-mail: vstikunov@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.02.2019, после доработки 29.05.2019, принята в печать 19.07.2019

В статье представлены результаты исследования, посвященного анализу внутригородских различий в Москве. В качестве теоретической рамки работы использована концепция “социального пространства” как дуальной реальности, производной одновременно от социальных отношений и свойств городской территории. В ходе исследования были использованы разнородные количественные показатели для каждого из 125 районов Москвы. Источниками информации послужили: перепись населения; текущая социально-экономическая, демографическая, миграционная и электоральная статистика; данные риелторов; опросы жителей районов города. На их основе рассчитаны индексы этнической мозаичности, демографических сдвигов, развитости городской среды, настроений людей и репутации места; проведена типология районов с учетом факторов местоположения и территориального соседства; созданы карты, отражающие разные измерения социального пространства города. Сравнительный анализ показал, что довольно эгалитарное социальное пространство советской Москвы за прошедшие годы стало более фрагментарным и поляризованным: резче обозначались границы различий. Усиление неравномерности повлекло за собой ощутимые расколы в благоустройстве городской среды, насыщение городскими благами одних районов и обеднение — других. Авторы приходят к выводу, что для снижения рисков городской сегрегации необходимо усиление связанности городского пространства и социальных сред, приведение уровня разнообразия городской среды в соответствие с разнообразием населения московских районов. Такая политика и деятельность наиболее востребованы там, где стремительный рост этнокультурного разнообразия происходит на фоне дефицита развития, относительной транспортной изолированности районов и социальной эксклюзии.

Ключевые слова: Москва, социальное пространство, сегрегация, пространственные модели, межгрупповые взаимодействия, этнокультурное разнообразие.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201963-17>

ВВЕДЕНИЕ

За последние 25 лет Москва дважды пережила смену идеологии городского развития и массивную реконструкцию. В первой половине 1990-х годов в городе еще сохранялись все признаки советского урбанизма с его четким функциональным зонированием территории и распределительным принципом доступа к социальным благам — жилью и услугам, одновременно эгалитарным (доступность) и иерархическим (качество). Основные градостроительные дискуссии разворачивались вокруг нового Генерального плана Москвы, который был отклонен в 1989 г. Спустя десять лет городская

политика полностью развернулась от советского планирования к бизнес-подходам и идеям города как машины экономического роста [37–39, 45, 50]. Генеральный план был признан не соответствующим новым реалиям и отложен в долгий ящик; новыми ключевыми словами московского лексикона стали “приватизация” и “собственность”. Рынок недвижимости проявил скрытую структуру советского социального пространства, наделив его различные фрагменты вполне конкретной стоимостью. Это привело к разгораживанию ранее однородных и внутренне связанных городских территорий. Сверкающий фасад “города для бизнеса”, претендующего на

статус глобального, составил резкий контраст с монотонными кварталами спальных районов, где доживало свой век советское обустройство и росло число мигрантов. В следующем десятилетии предпринимательская повестка городского развития заметно дискредитировала себя. На смену циничному экономизму¹ пришли рассуждения о городских сообществах [8, 11], публичных пространствах [3, 14, 49] и “праве на город” [39, 40, 44]. Социальному развороту способствовало засилье автомобилей на улицах Москвы и многочасовые автомобильные пробки. Острота транспортной проблемы с наглядностью демонстрировала последствия недостаточного внимания к развитию и модернизации общественных функций города. Технократическая модель управления городским развитием стала сдавать свои позиции идеям “нового урбанизма” [17, 35, 43]. Их продвижение предопределило изменение взгляда архитекторов-планировщиков и управленцев на жителей: из винтика городской машины, которому нужно работать, есть и спать, они “превратились” в пешеходов, осваивающих многослойную городскую цивилизацию, создавая и пересоздавая ее “под себя”. Многие транзитные зоны были переосмыслены как пространства контактов, а ценности общего доступа и совместного использования обрели при принятии градостроительных решений не меньшую значимость, чем возможность извлечения доходов из городской земли [9].

Практическое применение идей “нового урбанизма” в Москве опиралось на современные достижения мировой и российской градостроительной мысли, имело характер массивированной административной интервенции в городское благоустройство и, несмотря на недовольство москвичей, приблизило российскую столицу к идеалу комфортного города². Хотя производимые сверху изменения имели вполне социальную направленность, они, как и в советские годы, исходили из достаточно абстрактных представлений о москвичах. Однако теперь утилитарный взгляд на потребности человека был заменен на культурные запросы и стилевые особенности городской жизни. Вопрос о соответствии проводимой политики низовым процессам, происходящим в московском социуме, никогда не ставился и до настоящего времени

остается открытым. Мы не можем определенно сказать, в какой мере меняющаяся физическая среда города соответствует конфигурации его социального пространства. Способствует она его интеграции или, напротив, дезинтеграции и поляризации. Стало ли социальное пространство Москвы более связанным или более мозаичным, распадающимся на множество мелких фрагментов-островков, в какой мере проявляются процессы формирования городских анклавов, разделяемых этническими, имущественными и социальными рубежами? Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к разным источникам количественной и качественной информации, геоинформационным методам исследования и математическому моделированию.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПОНЯТИЕ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Совместность физического и социального в пространстве города была интуитивно ясна архитекторам и урбанистам еще в конце XIX в., но свое теоретическое оформление эта идея обрела в концепции “социального пространства”, предложенной Пьером Бурдьё в конце 1960-х годов [1, 33]. В ее основание были положены следующие ключевые положения. Во-первых, социальный мир можно представить в виде многомерного пространства, сформированного совокупностью свойств рассматриваемого социума. Структура социального пространства основана на неравном распределении различных видов капитала — имущественного, социального, культурного и символического. Во-вторых, социальное и физическое пространства невозможно рассматривать в отрыве друг от друга, поскольку одно не существует без другого. В-третьих, несмотря на свою слитность, физическое и социальное пространства принципиально различны: для первого важны фактические географические координаты (местоположение), для второго — позиция в системе социальных отношений. Соединение места и позиции становится своего рода опознавательным знаком для разнообразных групп и агентов городских взаимодействий, превращая центр в “центр”, а окраину в “периферию”.

Концепция Бурдьё создала теоретическую рамку для многих проводившихся ранее исследований в сфере поведенческой географии, географии восприятия, временной географии Торстена Хагерстранда, городской социологии, урбанистики. Она оказалась очень близка идеям Анри Лефевра о городском пространстве как продукте социальных действий/взаимодействий

¹ Данилова Е. Москва — это правильная тусовка // Огонек. 2008. № 24. 17.06.2007. <https://www.kommersant.ru/doc/2299076>

² Гонсалес Е. 10 отличий Москвы от Москвы // Esquire Weekend. 27 декабря 2016 г. <https://esquire.ru/entertainment/14072-moscow10/#part1>

и одновременно производителе социальных отношений [18] и дала мощный толчок развитию городской антропологии. Углубление в исследование городских практик и их детальное изучение привело к переосмыслению многих положений Бурдьё. Критике подверглись, во-первых, методологический объективизм и холизм концепции, плохо отвечающий задачам изучения ускользающей реальности, порождаемой информационно перенасыщенной и мобильной (текучей) социальной средой. Во-вторых, обезличивание индивида, отношение к нему как к “человеку без свойств”, личные качества которого подчинены социальному порядку (*habitus*) и не участвуют в его поступках и решениях. И, в-третьих, несоответствие представлений о социальном пространстве сетевым принципам организации современного общества. Серьезным аргументом, подрывающим стройную теорию Бурдьё, было указание на роль городских идеологий и политических дискурсов: находясь в их фарватере, городские власти перестраивали города, следуя образцам и мало считаясь с социальными процессами [19].

Несмотря на столь широкий набор контраргументов, концепция “социального пространства” не утратила своего методологического значения для городской географии, изучающей пространственные формы социальных взаимодействий и отношений человека со средой его жизни. То, что она не имеет исчерпывающего характера, не дезавуирует ее центральных положений. Теряя в детальности и точности анализа поведения отдельного индивида или малых групп населения, исследователь выигрывает в понимании общей ситуации, выявлении неслучайного характера территориальной организации социума. Идеи позиционного анализа в рассуждениях как о социальных отношениях [1], так и о географическом положении [28], становятся действенным инструментом изучения пространственной дифференциации городской среды.

Опираясь на эту логику, мы обратились к исследованию особенностей социального пространства Москвы. Для этой цели была сформирована база данных, включившая в себя 135 разнородных показателей³. Данные о возрастном и этническом составе населения районов города были взяты из последней Всероссийской переписи населения (ВПН-2010). Текущая социально-экономическая, демографическая и миграционная статистика на последнюю доступную

дату — 2016–2017 гг., а также данные о коммунальной сфере, образовании и здравоохранении муниципальных образований были собраны благодаря открытому доступу к информационному portalу Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по городу Москве (data.mos.ru). Источником данных об электоральных предпочтениях москвичей стал сайт Центральной избирательной комиссии РФ (cikrf.ru), а об особенностях рынка недвижимости — риелторского агентства ЦИАН (cian.ru). К анализу были также привлечены данные количественной социологии: в 2013 и 2015 гг. Институтом социальных программ при Правительстве Москвы были проведены опросы москвичей во всех районах столицы. Объем выборки для каждой волны исследования составил 12 500 респондентов [27]. Результаты опроса размещены в открытом доступе (data.miscp.ru). В работе также использовались данные сервисов Яндекс.Карты и OpenStreetMap, ставшие источником адресной информации о местах размещения различных объектов городской инфраструктуры — кафе, ресторанов, рынков, учреждений образования и культуры, а также о плотности и загруженности транспортной сети и др.

Показатели, вошедшие в базу данных, были нормированы по дисперсии в диапазоне от 0 до 1, что позволило обеспечить их сопоставимость. Затем для корректного отражения различий между рассматриваемыми территориальными единицами (районами Москвы) были определены их компонентные нагрузки. Использование метода главных компонент позволило редуцировать массив данных до наиболее значимых переменных, выявить наиболее релевантные показатели, отвечающие за изменчивость свойств объекта, и исключить второстепенные и случайные вариации в исходной системе данных. Следующим шагом была типология районов Москвы по отобранным параметрам. Чтобы она отвечала задачам изучения социального пространства, во внимание принимались логика анализа, предложенная Бурдьё, стремившегося преодолеть разрыв между подходами структуралистов и конструктивистов в изучении социальных феноменов [33].

Социальная география накопила огромный опыт пространственных классификаций (районирования) и фактически предлагает идеальный инструментарий для реализации подхода Бурдьё. Тем не менее, необходимо учитывать следующие базовые условия. Во-первых, для репрезентации социального пространства недостаточно зафиксировать пространственную вариацию тех или иных переменных и построить классификацию на основании одного, пусть и содержательно

³ Территория Москвы рассматривалась в границах до расширения 2012 г. как наиболее урбанизированная и развивавшаяся в единой логике с 1960-х годов.

емкого, признака. Необходимо установить соотношение нескольких параметров, детерминирующих возникающий социальный порядок. Например, различия возрастной структуры населения районов Москвы служат указанием на отличия происходящих социальных процессов, но только дополненные другими социально-демографическими характеристиками, связанными с динамикой населения (режим воспроизводства, миграции и пр.) становятся индикатором позиции каждого района в социальном пространстве города.

Во-вторых, социальное пространство — многомерно. Сконструированное по какому-то одному лекалу оно способно отразить только часть реальности. Создание более точного образа предполагает совмещение нескольких слоев или срезов социального пространства: их пересечения позволяют уточнить социальную позицию каждого района в физическом пространстве города. Вполне возможно, что при наложении в одних случаях будет наблюдаться аккумуляция “хороших” или “плохих” признаков, а в других — разнонаправленные тренды будут компенсировать друг друга или создавать социальный дисбаланс. Поэтому в целях исследования имеет смысл сравнивать несколько картографических моделей, опирающихся на разные характеристики районов города и локальных социумов.

В-третьих, необходимое условие конструирования социального пространства — учет влияния фактора соседства, центральности или периферийности положения городских районов. Подход от территории позволяет не только связать социальную и физическую реальность, но и выявить пространственные кластеры районов и территориально выраженные социальные расколы.

Перечисленным условиям наилучшим образом соответствует методика районирования, разработанная В.С. Тикуновым [30]. Она опирается на многомерные математические модели и была неоднократно апробирована на материале экономико-географических исследований. Результатом применения данной методики к имеющимся эмпирическим данным стало создание серии типологий социального пространства Москвы, отражающих внутригородскую вариацию этнической мозаичности населения города, существующие социально-демографические и инфраструктурные различия, репутацию районов, настроения и политические взгляды их жителей.

ИНДЕКС ЭТНИЧЕСКОЙ МОЗАИЧНОСТИ

Вопрос проекции этнокультурного разнообразия населения на городское пространство Москвы далеко не праздный. Интенсивные

миграции в столицу вызывают болезненную и неоднозначную реакцию москвичей, порождают множество домыслов, которые так же тяжело подтвердить, как и опровергнуть. Главные страхи связаны с рисками “этнизации” города, потери им своего культурного лица, формирования этнических анклавов и даже гетто, межэтническими конфликтами. Бытует мнение, что мигранты тяготеют к компактному расселению, привержены своим обычаям, игнорируют московские порядки и не собираются интегрироваться, несмотря на то, что годами живут в Москве [12]. Казалось бы, для выяснения ситуации достаточно воспользоваться данными переписи населения и текущей миграционной статистики. Однако расселение этнических групп в Москве — головоломка, которая плохо поддается решению средствами статистики. ВПН-2010 не дает ясного ответа на этот вопрос. Дело не только в недостатках ее проведения, массовых случаях двойного учета населения, использовании данных паспортных столов вместо обхода квартир, пропусках в графе этнической самоидентификации и/или ее произвольном заполнении, значительном недоучете нерегистрируемой миграции [24], но и в сложности идентификации человека [29]. Позиция: “Мы все тут русские — русский татарин, русский якут, русский чеченец...”, была достаточно распространена в Москве [28], поэтому полученные ответы, соответствуя самоощущениям людей, служат не вполне надежной опорой для суждений об особенностях этнического расселения, тяготеющих представителей разных этнических групп к компактному или дисперсному проживанию в городе.

Не удовлетворяет перепись населения и требования со стороны математического аппарата к дробности данных. Накопленный в мире исследовательский опыт лишь в ограниченной мере может быть использован в Москве. Так, модель Мэсси-Дэнтон [47, 48, 53], которая на сегодняшний день наиболее достоверно описывает этническую сегрегацию в урбанизированных ареалах, использует территориальные ячейки с населением от 3 до 6 тыс. человек. Очевидно, что эта методика малопригодна для крупных единиц агрегации переписных данных, которыми являются московские районы. Из пяти сложносоставных компонентов, которые учитываются моделью, только индикатор вероятности межэтнических контактов менее чувствителен к размеру ячеек и относительно релевантен для Москвы. В западной литературе этот показатель обычно называют “индексом разнообразия” или “индексом контактов/взаимодействий”, в российской — “индексом этнической мозаичности”. В своей более ранней версии он учитывает

представленность этнических групп в населении выбранной территории, их количество и долю [41, 42], в более поздней — дополнительно включает индекс “этнической отличительности” (*dissimilarity*) и индекс “пространственной изоляции/концентрации” [47]. В российских этнографических исследованиях показатель этнической мозаичности используется в качестве маркера территориальных различий с середины 1970-х годов [31]. Это яркий индикатор, но он способен ввести в заблуждение, поскольку имплицитно содержит предположение о потенциальной конфликтности этнокультурных различий, хотя и не несет в себе никакой информации о характере складывающихся межэтнических отношений [41]. На основе индекса мозаичности невозможно судить, способствует ли более высокая вероятность межэтнических контактов преодолению предвзятости и предубеждений или, напротив, она укрепляет взаимную неприязнь и ведет к конфликтам.

Пример Москвы хорошо иллюстрирует эту проблему. Если мы взглянем на карту этнической мозаичности населения столицы (рис. 1), то увидим, что районы, характеризующиеся наиболее высокими значениями индекса, расположены как в центре, так и на окраинах города, например, Дорогомиловский, Тропарево-Никулино и Западное Бирюлево.

В глазах москвичей они обладают очень разной репутацией. В советские годы это были символы Москвы номенклатурной, интеллигентной и рабочей, а сегодня они ассоциируются с престижем, гражданской активностью и межэтническими конфликтами. Контрастирует и уровень городского благоустройства этих районов. Если Бирюлево — относительно изолированный район, лишенный метро и испытывающий дефицит развития, то Дорогомилово — один из фасадов столицы, здесь круглосуточно кипит жизнь, а люди имеют массу возможностей пользоваться разнообразной инфраструктурой. Понятно, что в столь разных условиях этнокультурное разнообразие будет проявляться по-разному и иметь разные следствия.

О чем же тогда свидетельствует карта, представляющая этнический срез социального пространства Москвы? Во-первых, о социальной опосредованности этнических факторов в городах и поляризованности миграционных потоков, как неоднократно было показано в других исследованиях [5, 13, 20]. Наиболее пестрые по этническому составу населения — районы центра города и его бывших рабочих окраин. Это результат различий в финансовых возможностях национальных элит и интеллигенции, с одной стороны, и трудовых мигрантов — с другой, а не стремления этнических групп или

Рис. 1. Индекс этнической мозаичности населения районов Москвы.

Районы: 1 — Дорогомиловский, 2 — Тропарево-Никулино, 3 — Западное Бирюлево.

Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. М.: Статистика России, 2012.

диаспор гастарбайтеров к компактному проживанию. Москва — не только наиболее крупный рынок труда, привлекающий мигрантов со всей России и бывшего СССР, но и наиболее статусный центр постсоветского пространства [25].

Во-вторых, для социального пространства Москвы характерна относительная этнокультурная однородность: даже в районах, выделяющихся по уровню этнического разнообразия, значения индекса мозаичности сравнительно невысоки. Введение экспертных поправок на несовершенство проведения ВПН-2010 не влечет за собой двукратного роста значений индекса. Русские составляют не только относительное, но и абсолютное большинство жителей столицы. Такой вывод кажется противоречащим очевидности. Достаточно выйти на улицу, чтобы тут же столкнуться с иноэтничными мигрантами. Однако дело не в ложной статистике или розовых очках на глазах экспертов, а в повышенной мобильности мигрантов, вследствие которой они наиболее видимая часть московского социума, что приводит: а) к гипертрофии представлений об их фактической численности [16] и б) к искаженному взгляду на структуру их занятости. Так, согласно данным, около 40% мигрантов в Москве работает в строительстве и 10% в ЖКХ, но жители города, постоянно сталкиваясь с работниками коммунальной сферы, полагают, что она аккумулирует 30% мигрантов, тогда как строительство только 15–16% [27].

В-третьих, этническая мозаичность — важный индикатор пространственной дифференциации населения, он привлекает внимание к конкретным районам города и заставляет задуматься о роли средового контекста жизни в формировании атмосферы большей контактности или большей конфликтности районных социумов.

КОНТАКТНОСТЬ И КОНФЛИКТНОСТЬ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Понятия “контактность” и “конфликтность”, используемые в отношении пространства, приписывают ему гипотетическую способность поддерживать и/или подавлять позитивные/негативные проявления межгрупповых взаимодействий. Подразумевается, что городская среда способна выполнять функции регулятора поведения человека благодаря разнообразию предоставляемых возможностей.

Насколько правомерна такая постановка вопроса в случае отдельных районов города? Их выделение — административная процедура наложения границ на единое городское пространство, обладающее высокой степенью связанности. Это важно для разделения управленческой ответственности, но оказывает малое влияние на

ткань городской жизни и многообразные сети повседневных человеческих взаимодействий. В то же время, как свидетельствуют социологические опросы, женщины, дети, пожилые люди и значительная часть молодежи живут не в Москве, а в “своем” районе: более трети москвичей предпочли бы ограничить свою жизнь его пределами и никуда не выезжать [16]. Если у людей появляется свободное время, то они чаще всего проводят его дома [27]: занимаются домашними делами (34%), тратят его на свою работу или дополнительную подработку (16%). Основной формой досуга служат прогулки в парке по соседству (51%). Средний москвич тяготеет к минимизации своих контактов с внешней средой, избегает массовых увеселений и больших скоплений народа: в праздничные дни из города уезжает более 40% его жителей, среди остающихся примерно треть посещает развлекательные мероприятия, если они организованы рядом с домом, и только пятая часть готова ради этого куда-то ехать [27].

Однако представлять москвичей как затворников тоже было бы смешно, высокий ритм московской жизни, множество встреч и дел, исключают такую возможность. Люди, скорее, испытывают избыточное давление вынужденных контактов. Поэтому городская среда, снимающая стресс городской жизни и дающая возможность коммуникаций в условиях социальной доброжелательности и добровольности, весьма востребована. Но везде ли ее можно найти?

Это вопрос личного восприятия, ответ на который требует антропологического подхода. Однако у географов есть возможность воспользоваться косвенными признаками контактности или конфликтности социального пространства, оценив насыщенность городской среды московских районов различными видами общественных благ и услуг и их доступность для местных жителей. Можно предположить, что чем больше в районе будет позитивных публичных пространств и разнообразнее инфраструктура, тем более контактной будет городская среда и более открытыми, вежливыми и взаимно расположенными — люди. Это один из ключевых тезисов “нового урбанизма”, который с успехом внедряется в городскую практику, в том числе и в Москве [36].

На первый взгляд данная гипотеза находится в противоречии с выявленным социологами стремлением большинства москвичей к минимизации внешних контактов. Ибо к чему развивать инфраструктуру и повышать ее разнообразие, если она останется невостребованной? Однако, чтобы оценить потенциальную способность городских территорий выполнять функцию регулятора социальных отношений, необходимо

учитывать обе стратегии снижения потенциала межгрупповых и личностных конфликтов в перенасыщенной взаимодействиями городской среде. Одна из них состоит в сокращении числа контактов и как бы замыкании в скорлупе своего дома, квартала или района, а другая — в наращивании и облегчении контактов, повышении их автономности и доступности.

Исходя из этих соображений, модель социального пространства Москвы, отражающая потенциальную конфликтность/контактность разных участков городской среды, должна учитывать, с одной стороны, индивидуальные условия жизни человека, а с другой — качество общественной среды районов и доступность городских благ [11, 36].

Этим условиям отвечает сочетание таких статистических параметров, как средняя жилищная обеспеченность (жилищные условия влияют на настроения людей и саму возможность “ухода от действительности”) и насыщенность района инфраструктурой потребления, общения и досуга. Важную роль также играют городское благоустройство и наличие парков. Мы исходили из предположения, что чем выше будут значения расчетного индекса комфортности городской среды, тем с большим основанием можно говорить о ее неконфликтности (рис. 2).

Два обстоятельства повлияли на результат проведенной типологии. Первое — норматив-

ная система распределения по территории социальных, культурных и бытовых организаций и торговли, унаследованная от советского времени; второе — близость к историческому центру и наиболее бойким местам города, ориентированным на транспортные потоки и мобильное население. Эти факторы сформировали “горный рельеф” Москвы с высокой вершиной в центре, отрогами вдоль основных магистралей и обширными предгорьями. Городское ядро по своей насыщенности и разнообразию сильно контрастирует с городскими окраинами, где сохраняется нормативное состояние инфраструктуры общения и потребления. Особенно выделяются спальные районы Северного и Южного административных округов Москвы, где контактные функции городской среды развиты слабо и фактически переданы на уровень домашнего и внутригруппового общения.

Карта (см. рис. 2), отражающая различия в развитости городской среды, фактически фиксирует раскол на “две Москвы”: в одной еще сохраняется прежний уклад жизни, опирающийся на принципы советского урбанизма — функционального, но обезличенного, а в другой — более хаотичной и наполненной жизнью — происходят интенсивные процессы изменений, что особенно заметно в центре и на юго-западе города. Данный вывод подтверждается и другими, ранее проведенными исследованиями, выявившими неравномерность

Рис. 2. Среда повседневной жизни районов Москвы.

Составлено по: Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований г. Москвы, 2012–2017 гг. <http://moscow.gks.ru>; Справочная система 2GIS. www.2gis.ru

пространственного развития Москвы и чувствительность наиболее современных секторов экономики города к составу населения, уровню его образования, транспортной обеспеченности и городскому обустройству [4, 6, 15, 26, 32].

Сравнение дифференциации территории Москвы по этническим и средовым параметрам (см. рис. 1 и 2) выявляет целый ряд районов, где наблюдается несоответствие высокого уровня разнообразия населения и низкого — городской среды. Данный диссонанс — повод задуматься о пространственной избирательности бизнеса, ориентированного на потребности этнокультурных сообществ, понять тяготеет ли он к местам преимущественного расселения недавних мигрантов, работая на формирование мигрантских сообществ и анклавов [2], или следует общегородскому паттерну. Для проверки этого тезиса карта развитости городской среды Москвы была дополнена адресными данными об этнических кафе. Нас не интересовали крупные сетевые структуры, ориентированные на национальную кухню и все население города, на карте показаны только кафе — места встреч и общения, имеющие свою этническую и нередко локальную клиентуру. Несложно заметить, что их размещение, во-первых, подчинено сложившейся морфологии городской среды: этнические кафе, как правило, осваивают периферийные зоны наиболее развитых в инфраструктурном отношении районов, и, во-вторых, связано с местами приложения труда и магистралями, а не спальными районами. Эти тенденции имеют не только экономическое, но и социальное объяснение. Бойкость места и насыщенность городской среды позволяют этническим кафе растворяться в разнообразии возможностей, занимая свою нишу, в иной ситуации они становятся знаковыми объектами, вызывая у местных жителей неоднозначную реакцию.

“РАЗДРАЖЕННЫЕ МОСКВИЧИ”

Из социологических исследований известно, что наплыв мигрантов служит одним из ключевых раздражителей московского населения и источником многочисленных страхов [13]. Также известно, что причины различных фобий заключаются не столько в этнических предубеждениях, сколько в чувстве неудовлетворенности собственной жизнью, недовольстве властью, общем недоверии к основным социальным институтам и окружающим людям, неуверенности в будущем и отсутствии видимых перспектив [10, 51]. Ксенофобия как компенсаторная реакция общества на слом привычного социального порядка сохраняет общественно приемлемые формы и даже эксплуатируется политиками до тех пор, пока не идет дальше вербальной агрессии. Однако риск

выхода подобных настроений из-под контроля достаточно высок и плохо прогнозируем. Ответ на вопрос, почему в одних случаях язык вражды провоцирует острые конфликты, а в других этого не происходит, неясен. Поэтому важно понимать роль средового контекста в развитии негативных процессов или хотя бы представлять, где расположены зоны повышенного риска.

Чтобы ответить на этот вопрос, было смоделировано “пространство социальной тревожности”. В его основу было положено сочетание двух детерминирующих условий: с одной стороны, параметров, отражающих мобильность локальных социумов (изолированность и закрытость делают людей особенно чувствительными к изменениям, появлению “чужаков”), а с другой — распространенности страхов оказаться объектом вербальной или физической агрессии, оценок небезопасности своей жизненной среды. Пространственная вариация полученного индекса (рис. 3) показывает, что раздраженные москвичи живут во всех районах города, но источники этого недовольства и их структура различны.

Для районов Москвы, попадающих в первые два типа (см. рис. 3), характерно наличие одной-двух конкретных причин, вызывающих чувство дискомфорта. На Арбате — небезопасность прогулок днем, что объясняется огромным скоплением людей в небольшом по площади районе. В окраинном поселке Восточный — транспортная изолированность района и замкнутость жизни его населения. В Куркино — неблагоприятное соседство. Жители района, считающие его благоустроенным, современным и престижным, недовольны близостью к ареалам расселения мигрантов и местам приложения их труда, что, по их мнению, снижает статус района и стоимость недвижимости [27].

Иная ситуация в районах, образующих компактные ареалы на юге, юго-востоке и северо-востоке города. Здесь факторные нагрузки всех выбранных параметров очень слабо варьируют и равнозначны. Это свидетельствует о сочетании низкой мобильности местных жителей и их хронического недовольства своей жизнью, что неизбежно повышает конфликтность любых социальных взаимодействий.

Сравнение трех типологий социального пространства Москвы показывает, что на карте города выделяется несколько районов, где рост этнического разнообразия населения (см. рис. 1) происходит на фоне стагнации развития района (см. рис. 2) и сравнительной изолированности местных социумов, страдающих от множества фобий и комплекса ущемленности (см. рис. 3). В зоне риска находится не только печально известное Западное Бирюлево, но и соседние с ним Южное Чертаново

Рис. 3. “Раздраженные москвичи”: индекс недовольства жителей Москвы.

Районы: 1 — Арбат, 2 — пос. Восточный, 3 — Куркино, 4 — Западное Бирюлево, 5 — Восточное Бирюлево, 6 — Южное Чертаново, 7 — Капотня, 8 — Марьино, 9 — Кузьминки, 10 — Нижегородский.

Составлено по: Механика Москвы, 2015. <http://data.mispr.ru>

и Восточное Бирюлево, Капотня, Марьино, Кузьминки и Нижегородский. Хотя районов, где формируется конфликтное социальное пространство в Москве немного, их дестабилизирующее влияние на жизнь всего города велико. Нарушение принципов средовой регуляции социальных отношений приводит, во-первых, к распространению маргинальных образцов поведения, известных как субкультура пригородов [52], а во-вторых, к социальной эксклюзии и дальнейшей стигматизации районов, имеющих и без того неважную репутацию.

РЕПУТАЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ МЕСТА

Финансовые, имущественные, социальные, культурные, символические и прочие формы капитала, обретая силу в пространстве социальных отношений, одновременно концентрируются в определенных местах, притягивая к себе ресурсы развития и излучая энергию изменений [1]. Неравномерность происходящих процессов определяет дифференциацию физического пространства, сложную мозаику центральных периферий. В результате позиционные свойства местоположения оказываются столь же существенными, как статусные и прочие признаки социальных отличий. Характеристики мест начинают переноситься на связанный с ними со-

циум и ассоциироваться с жизненным успехом или неудачей.

Одним из наиболее ярких проявлений репутационного давления места [28] служит наличие устойчивых представлений о престижных и непрестижных районах города, которые влияют на функционирование рынка недвижимости: символическая ценность места формирует фактическую стоимость квадратных метров и нередко предопределяет выбор жилья или офиса. В результате индивидуальные действия обретают силу коллективных, а социальное пространство — иерархические свойства.

В случае Москвы ключевое преимущество, создающее и укрепляющее доминантные социальные позиции жителей города, — возможность распоряжаться результатами деятельности предшествующих поколений, включая обеспеченность жилой площадью, социальный капитал семьи и трамплин образования.

Специфика российской столицы до настоящего времени заключалась в отсутствии тесной корреляции между бедностью/богатством и размером квартиры. Лучшие жилищные условия стали следствием не только высоких доходов, но и не связанных с деньгами факторов — длительности проживания в Москве и суженного воспроизводства московского населения. Их совокупное действие приводит к аккумуляции ресурсов недвижимости в руках второго-третьего

и Крылатское, изначально имевшие репутацию нестандартных и экспериментальных. Здесь особенно наглядно проявляется незримое давление репутации, поскольку фактические различия между ними и их соседями незначительны.

Особый интерес представляют районы третьего типа, окружающие городской центр, составляющие с ним единый ареал и, по сути, являющиеся его периферией. На них лежит отпечаток промежуточности и переходности. Создаваемая ими пространственная конфигурация не вполне соответствует радиально-кольцевому плану Москвы и имеет скорее серповидную форму. Признаки периферийности обнаруживаются и в историческом центре города, и в прилегающих к нему районах. За пределами “периферии центра” социальное пространство Москвы утрачивает свою компактность, становясь фрагментарным.

Этот раскол выражается как в имущественных различиях, так и в разделяемых мировоззренческих позициях. В центральных районах города и на периферии центра неудовлетворенность текущим положением дел выливается в политическую оппозицию и протест против издержек существующего режима, а на окраинах Москвы те же настроения растворяются в диффузном недовольстве большинства населения и социальном бессилии [7, 21]. Порицая любые действия власти, люди, тем не менее, ищут у нее защиты и ее защищают, а накопившееся раздражение выплескивают на мигрантов. Фактически в Москве воспроизводится та же модель организации политического пространства, что и в стране. Власть, расположенная в центре, обретает возможность социального и политического контроля над территорией благодаря ресурсам молчаливой поддержки периферии, а жители центральных районов, недостаточно многочисленные, чтобы изменить эту ситуацию, укрепляют свои доминантные позиции, оказывая давление на власть и формируя новые образцы социального поведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ

Типология районов Москвы, построенная исходя из этнических, социальных и средовых критериев, позволила показать сложность социального пространства города, его несводимость к одной устоявшейся территориальной структуре. Неравномерность происходящих процессов, которая отчетливо отражается на картах, свидетельствует о наличии ощутимых разрывов между наиболее и наименее развитыми и благоустроенными районами города. Не будет преувеличением сказать, что представления о неравенстве социальных позиций отвердели

в территориальных структурах Москвы и привели к формированию иерархии районов. На смену сравнительно эгалитарному социальному пространству советской Москвы, для которой было характерно смешение разных социальных страт не только в пределах одного района, но и одной лестничной площадки, а главные различия определялись функциональным зонированием территории, пришла социально-имущественная фрагментация общества и среды его жизни. Общественное мнение напрямую связало социальный статус и городской адрес, переезд на новую квартиру превратился в синоним социальной мобильности, а городские стереотипы – в ориентир функционирования рынка жилья. И если материальная среда города успешно трансформируется и обновляется, то репутация района сопротивляется изменениям и сохраняет устойчивость, становясь проблемой городского развития.

Мировой опыт показывает, что самоорганизация населения на основе социально-имущественной иерархии приводит к возникновению сегрегированного городского пространства, где параллельное и несвязанное сосуществование анклавов богатства и бедности, “позолоченных” и этнических гетто обеспечивается административными и полицейскими мерами. В случае Москвы физическая среда города, сохраняющая многие социалистические черты, противодействует такому сценарию. Однако люди в своем стремлении упорядочить окружающую реальность в соответствии со своими представлениями четко разделяют зоны преуспевания и неблагополучия. Первые консолидированы вокруг исторического центра, составляя с ним единое целое, вторые – архипелаг разрозненных островов, окружающих “счастливую Москву”. Спальные районы бывших рабочих окраин, зажатые между крупными магистралями, страдающие от транспортной изолированности и отсутствия метро, обладают наихудшей репутацией. Атмосфера жизни в таких районах несет на себе отпечаток пессимизма и ощущения безысходности. Воображение общества, и нужно заметить, что с теоретической точки зрения вполне обоснованно [34, 46], помещает туда этнические гетто и анклавы застойной бедности. Репутационное давление места, одновременно отражающее и формирующее социальные представления, консервирует иерархические принципы устройства социального пространства, препятствует межгрупповым контактам и интеграции.

Эта ситуация фактически дезавуирует основную принцип “нового урбанизма”, согласно которому городская политика должна следовать в фарватере самоорганизации и учитывать позицию локальных сообществ, а не проводиться

вопреки ей. Данная концепция предполагает разделение ответственности за поддержание социального порядка между властью и обществом. Однако, как показал проведенный анализ, значительная часть москвичей испытывает чувство неуверенности, подвержено массовым страхам, вызванным “вторжением чужаков”, и скорее закрыто, нежели открыто изменениям (см. рис. 3). В таких условиях поддержание социального порядка однозначно понимается людьми как предоставление локальному населению “принадлежащих” только ему прав и статуса [10]. Ориентация на подобные запросы означает дискриминацию и вряд ли может восприниматься как ориентир городского развития.

Проблема усугубляется тем, что привычные признаки социально-пространственного расслоения дополнились коммуникативными, разделяющими общество по принципу включенности в разные сети, глобальные и локальные миры. Это повлекло за собой увеличение неоднородности социума, непостоянства и случайности социальных отношений, еще большему разрыву между взаимозависимостью людей в обществе и их способностью действовать солидарно. Речь идет не о спонтанных протестных митингах и краткосрочной мобилизации, а о рутинной работе, формирующей практику согласованного мышления и представления об общих интересах.

Результатом оскудения общественной жизни стал рост значения физической среды города для социального пространства и снижение — социума, все более напоминающего требовательных потребителей городских благ, а не ответственных горожан. Реакцией московской власти на эти изменения стало, во-первых, усиление процедурной составляющей принятия решений, касающихся жизни локальных социумов. Внедрение информационной платформы “Активный гражданин” (ag.mos.ru) способствовало передаче функций гражданской активности социальному сервису. Во-вторых, частичная переориентация политики на лучшие европейские практики и городское благоустройство, в чем очень помогли идеи Я. Гейла и “нового урбанизма”. Это важные управленческие шаги, но явно недостаточные. Выявленные противоречия социального пространства Москвы указывают на необходимость усиления его связанности, преодоления разрывов между разного рода перифериями, приведения уровня разнообразия городской среды в соответствие с разнообразием состава населения и его запросов. Такая политика и деятельность наиболее востребованы там, где рост этнокультурной мозаичности населения происходит на фоне дефицита развития и социальной мобильности, а также относительной транспортной изолированности районов, обладающих наихудшей репутацией.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено в РАНХиГС при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00064 “Новые подходы и методы регулирования этнополитических отношений на территории крупнейших городских агломераций России”. Аналитическая часть работы была выполнена в рамках бюджетной темы Института географии РАН № 0148-2019-0008.

FUNDING

The study was carried out in the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 15-18-00064 “New approaches and methods of ethnopolitical relations regulation on the territory of the largest urban agglomerations of Russia”. Analytical part of the research was fulfilled within the framework of the research project no. 0148-2019-0008

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр., отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
2. Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтнических мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3 (121). С. 104–114.
3. Вендина О.И. Частное и общественное в городском пространстве: от теории к московским реалиям // Изв. РАН. Сер. геогр. 2009. № 2. С. 28–38.
4. Вендина О.И., Аксенов К.Э. Москва и Петербург: реорганизация городского пространства как индикатор изменения модели развития // Проблемы прогнозирования. 1999. № 5. С. 103–121.
5. Вендина О.И. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Центр миграционных исследований, 2015. 90 с.
6. Вендина О.И. Социальный атлас Москвы. М.: Проект Россия, 2012. 40 с.
7. Волков Д. Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // Вестн. обществ. мнения. 2012. № 3–4 (113). С. 141–185.
8. Высоковский А.А. Сочинения в 3 т. / Т. 2. Practice. М.: Gray Matter, 2015. 397 с.
9. Григорян Ю.Э. (Ред.) Археология периферии. М.: МУФ, 2013. 480 с.
10. Гудков Л.Д. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестн. обществ. мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 6. С. 60–77.
11. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
12. Зайончковская Ж., Полетаев Д., Доронина К., Мкртчян Н., Флоринская Ю. Защита прав мо-

- сквичей в условиях массовой миграции. М.: Центр миграционных исследований, 2014. 120 с.
13. Иммигранты в Москве / ред. Ж.А. Зайчковская. М.: Три квадрата, 2010. 270 с.
  14. Капков С.А. Развитие городских общественных пространств: социально-философские аспекты // Общество: философия, история, культура. 2016. № 11. С. 58–63.
  15. Колосов В.А., Вендина О.И., Бородулина Н.А., Середина Е.В., Федоров Д.Р., Климанов В.В. Создание новой предпринимательской среды в Москве: основные тенденции и противоречия // Изв. РАН. Сер. геогр. 1998. № 5. С. 95–109.
  16. Левинсон А.Г. Текучее и неподвижное в московской периферии // Археология периферии / отв. ред. Ю. Григорян. М.: МУФ, 2013. С. 315–342.
  17. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 19–26.
  18. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
  19. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 255 с.
  20. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: НЛЮ, 2014. 230 с.
  21. “Марш миллионов” 12 июня: социальный портрет протестного движения (материалы специального исследования ВЦИОМ) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3 (109). С. 47–72.
  22. Махрова А.Г., Ноздрина Н.Н. Дифференциация на рынке жилья в Москве как проявление социального расслоения населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2002. № 3. С. 44–50.
  23. Махрова А.Г., Татаринцева А.А. Развитие процессов джентрификации и реконструкция городской среды центра Москвы в постсоветский период // Региональные исследования. 2006. № 3. С. 28–42.
  24. Мкртчян Н.В. Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Изв. РАН. Сер. геогр. 2011. № 5. С. 28–41.
  25. Мкртчян Н.В. Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 107–116.
  26. Москва: курс на полицентричность. Оценка эффектов градостроительных проектов на полицентрическое развитие Москвы / А. Новиков, Е. Котов, Р. Гончаров, К. Никогосян, А. Городничев. М.: МУФ, 2016. 32 с.
  27. Пузанов К., Степанцов П. Механика Москвы. Исследование городской среды. М.: Московский институт социально-культурных программ, 2015. 95 с.
  28. Родоман Б.Б. Позиционный принцип и давление места // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1979. № 4. С. 14–20.
  29. Соколовский С. Идентичность и идентификация: к расширению программы антропологических исследований // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / под ред. Е.И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. М.: Изд-во “Горячая линия – Телеком”, 2018. С. 28–50.
  30. Тикунов В.С. Классификации в географии. М.– Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. 367 с.
  31. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–42.
  32. Эм П.П. Большой город как самостоятельная система центральных мест (на примере Москвы) // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 34–42.
  33. Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la theorie de l'action. Paris: Seuil, 1994. 251 p.
  34. Dunneier M. Ghetto: the invention of a place. The history of an idea. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2016. 292 p.
  35. Gehl J. Cities for people. Island Press, 2010. 288 c.
  36. Gehl J. Life Between Buildings: Using Public Space. Washington: Island Press, 2011. 216 p.
  37. Hall P. Forces shaping urban Europe // Urban studies. 1993. V. 30. № 6. P. 883–898.
  38. Hall T., Hubbard P. The entrepreneurial city: new urban politics, new urban geographies // Progress in Human Geography. 1996. № 20. P. 153–174.
  39. Harvey D. From managerialism to entrepreneurialism: the transformation of urban governance in late capitalism // Geografiska Annaler. 1989. № 71B. P. 3–17.
  40. Harvey D. The right to the city // Int. J. Urban Reg. Res. 2003. № 27. P. 939–941.
  41. Hurlbert S. The Nonconcept of Species Diversity: A Critique and Alternative Parameters // Ecology. 1971. V. 52. № 4. P. 577–586.
  42. Jost L. Entropy and diversity // Oikos. 2006. V. 113. № 2. P. 363–375.
  43. Katz P. The New Urbanism: Toward an Architecture of Community. NY: McGraw Hill, 1994. 288 p.
  44. Lefebvre H. Le droit a la ville. Paris: Anthropos, 2009. 135 p.
  45. Logan J.R., Molotch H.L. Urban Fortunes: The Political Economy of place. Los Angeles: Univ. of California Press, 1987. 383 p.
  46. Maloutas Th., Fujita K. (Eds.) Residential Segregation in Comparative Perspective. Making Sense of Contextual Diversity. Routledge, 2016. 328 p.
  47. Massy D., Denton N. The Dimension of Social Segregation // Social Forces. 1988. V. 67. № 2. P. 281–315.
  48. Massy D., White M., Phua V.-C. The Dimension of Segregation Revisited // Sociol. Methods Res. 1996. V. 25. № 2. P. 172–206.
  49. Mitchell D. The End of Public Space? People's park, Definitions of the Public, and Democracy // Ann. Ass. Am. Geogr. 1995. V. 85. № 1. P. 108–133.
  50. Molotch H. The city as growth machine: toward a political economy of place // Am. J. Sociol. 1976. № 82. P. 309–332.
  51. Vendina O.I. Muscovites and Newcomers: Strategies for Mutual Adaptation // Reg. Res. Russ. 2018. V. 8. № 4. P. 395–403.
  52. Wacquant L.J.D. Parias urbains. Ghetto, banlieues, État. Paris: La Découverte, 2006. 332 p.

53. Wilkes R., Iceland J. Hyper-segregation in the Twenty-First Century // *Demography*. 2004. V. 41. № 1. P. 23–36.

REFERENCES

1. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociologie de L'espace Social]. Shmatko N.A., Ed. Moscow: Inst. Eksperimental'noi Sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2007. 288 p.
2. Varshaver E.A., Rotcheva A.L. Café communities as an environment for the ethnic integration of migrants in Moscow. *Monitoring Obshchestv. Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, 2014, vol. 121, no. 3, pp. 104–114. (In Russ.).
3. Vendina O.I. Private and public in urban space: from theory to Moscow realities. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2009, no. 2, pp. 28–38. (In Russ.).
4. Vendina O.I. Social atlas of Moscow. *Proekt Rossiya*, 2012, vol. 99, no. 4, pp. 3–40. (In Russ.).
5. Vendina O.I. *Migranty v Moskve. Grozit li rossiiskoi stolitse etnicheskaya segregatsiya* [Migrants in Moscow: Is Ethnic Segregation Threatening Moscow?]. Moscow: Tsentr Migratsionnykh Issled., 2015. 90 p.
6. Vendina O.I., Aksenov K.E. Moscow and Petersburg: reorganisation of urban spaces as an indicator of the urban development concept change. *Probl. Prognozirovaniya*, 1999, no. 5, pp. 103–121. (In Russ.).
7. Volkov D.A. The protest movement in Russia seeing by political leaders and activists. *Vestn. Obshchestv. Mneniya*, 2012, vol. 113, no. 3–4, pp. 141–185. (In Russ.).
8. Vysokovskii A.A. *Sochineniya* [Works]. Vol. 2: *Practice*. Moscow: Gray Matter Publ., 2015. 397 p.
9. *Arkheologiya periferii* [Archeology of Periphery]. Grigoryan Yu.E., Ed. Moscow: MUF, 2013. 480 p.
10. Gudkov L.D. Transferred aggression: The Russians' attitude to migrants. *Vestn. Obshchestv. Mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2005, no. 6, pp. 60–77. (In Russ.).
11. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House Publ., 1961. 458 p.
12. Zaionchkovskaya Zh., Poletaev D., Doronina K., Mkrtchyan N., Florinskaya Yu. *Zashchita prav moskvichei v usloviyakh massovoi migratsii* [Protecting the Rights of Muscovites within the Context of Mass Migration]. Moscow: Tsentr Migratsionnykh Issled., 2014. 120 p.
13. *Immigranty v Moskve* [Immigrants in Moscow]. Zaionchkovskaya Zh.A., Ed. Moscow: Tri Kvadrata Publ., 2010. 270 p.
14. Kapkov S.A. Development of urban public spaces: social and philosophical aspects. *O-vo: Filosofiya, Istoriya, Kul'tura*, 2016, no. 11, pp. 58–63. (In Russ.).
15. Kolosov V.A., Vendina O.I., Borodulina N.A., Seregina E.V., Fedorov D.R., Klimanov V.V. The establishment of new entrepreneurial environment in Moscow: the main trends and contradictions. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 1998, no. 5, pp. 95–109. (In Russ.).
16. Levinson A.G. Fluid and motionless in the Moscow periphery. In *Arkheologiya periferii* [Archeology of Periphery]. Grigoryan Yu., Ed. Moscow: MUF, 2013, pp. 315–342. (In Russ.).
17. Lefebvre H. The ideas for the new urbanism concept. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*, 2002, vol. 2, no. 3, pp. 19–26. (In Russ.).
18. Lefebvre H. *La production de l'espace*. Paris: Éditions Anthropos, 1974. 485 p.
19. Luhmann N. *Die Realitat der Massenmedien*. Opladen: Westdt. Verl., 1996, 2 ed. 219 p.
20. Malakhov V.S. *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii* [Cultural Differences and Political Borders in the Era of Global Migration]. Moscow: NLO Publ., 2014. 230 p.
21. "March of Millions" of June 12: a social portrait of the protest movement (materials of the special survey of the VCIOM). *Monitoring Obshchestv. Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, 2012, vol. 109, no. 3, pp. 47–72. (In Russ.).
22. Makhrova A.G., Nozdrina N.N. Differentiation of the housing market in Moscow as a manifestation of the social stratification of population. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2002, no. 3, pp. 44–50. (In Russ.).
23. Makhrova A.G., Tatarintseva A.A. The pentrification processes and the Moscow city center reconstruction in the post-Soviet period. *Reg. Issled.*, 2006, vol. 9, no. 3, pp. 28–42. (In Russ.).
24. Mkrtchyan N.V. Population dynamics of Russia's regions and the role of migration: Critical assessment based on the 2002 and 2010 censuses. *Reg. Res. Russ.*, 2011, vol. 1, no. 3, pp. 228–239. doi 10.1134/S2079970511030087
25. Mkrtchyan N.V. Migration in Moscow and Moscow region: regional and structural peculiarities. *Reg. Issled.*, 2015, no. 3, pp. 107–116. (In Russ.).
26. Novikov A., Kotov E., Goncharov R., Nikogossyan K., Gorodnichev A. *Moskva: kurs na politseentrichnost'*. *Otsenka effektivov gradostroitel'nykh projektov na politseentricheskoe razvitiye Moskvy* [Moscow: Course towards a Policentric City. An estimation of Urban Planning Projects Effects on the Polycentric Development of Moscow]. Moscow: MUF, 2016. 32 p.
27. Puzanov K., Stepantsov P. *Mekhanika Moskvy. Issledovanie gorodskoi sredy* [Mechanics of Moscow. The Case-studies of Moscow Urban Environment]. Moscow: Mosk. Inst. Sotsial'no-Kul'turnykh Program, 2015. 95 p.
28. Rodoman B.B. The principle of position and locational pressure. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 1979, no. 4, pp. 14–20. (In Russ.).
29. Sokolovskii S. Identity and identification: call for expanding an anthropological agenda. In *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostokey i zapade Evropy* [Natives and Strangers. Identity Metamorphoses in Eastern and Western Europe]. Filippova E.I., Le Torrivellec X., Eds. Moscow: Goryachaya Liniya – Telekom Publ., 2018, pp. 28–50. (In Russ.).
30. Tikunov V.S. *Klassifikatsii v geografii* [Classification in Geography]. Moscow-Smolensk: Smolenskii Gos. Univ., 1997. 367 p.
31. Ekkel' B.M. The index of ethnic mozaic calculation for the Republics, provinces and regions of the USSR. *Sov. Etnografiya*, 1976, no. 2, pp. 33–42. (In Russ.).
32. Em P.P. A big city as an independent central place system, a case study of Moscow. *Reg. Res. Russ.*, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 151–157. doi 10.1134/S2079970518020041

33. Bourdieu P. *Raisons pratiques. Sur la theorie de l'action*. Paris: Seuil, 1994. 251 p.
34. Dunneier M. *Ghetto: the Invention of a Place. The History of an Idea*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2016. 292 p.
35. Gehl J. *Cities for People*. Island Press, 2010. 288 p.
36. Gehl J. *Life Between Buildings: Using Public Space*. Island Press, 2011. 216 p.
37. Hall P. Forces shaping urban Europe. *Urban Stud.*, 1993, vol. 30, no. 6, pp. 883–898.
38. Hall T., Hubbard P. The entrepreneurial city: new urban politics, new urban geographies. *Prog. Hum. Geog.*, 1996, vol. 20, no. 2, pp. 153–174.
39. Harvey D. From managerialism to entrepreneurialism: the transformation of urban governance in late capitalism. *Geogr. Ann. B Hum. Geogr.*, 1989, vol. 71, no.1, pp. 3–17.
40. Harvey D. The right to the city. *Int. J. Urban Reg. Res.*, 2003, vol. 27, no. 4, pp. 939–941.
41. Hurlbert S.H. The nonconcept of species diversity: a critique and alternative parameters. *Ecology*, 1971, vol. 52, no. 4, pp. 577–586.
42. Jost L. Entropy and diversity. *Oikos*. 2006, vol. 113, no. 2, pp. 363–375.
43. Katz P., Scully V.J., Bressi T.W. *The New Urbanism: Toward an Architecture of Community*. New York: McGraw Hill, 1994. 288 p.
44. Lefebvre H. *Le droit a la ville*. Paris: Anthropos, 2009, 3 ed. 135 p.
45. Logan J.R., Molotch H.L. *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Los Angeles: Univ. of California Press, 1987. 383 p.
46. *Residential Segregation in Comparative Perspective: Making Sense of Contextual Diversity*. Maloutas Th., Fujita K., Eds. Routledge, 2016. 328 p.
47. Massy D.S., Denton N.A. The dimensions of residential segregation. *Social Forces*, 1988, vol. 67, no. 2, pp. 281–315.
48. Massy D.S., White M.J., Phua V.C. The dimension of segregation revisited. *Sociol. Methods Res.*, 1996, vol. 25, no. 2, pp. 172–206.
49. Mitchell D. The end of public space? People's Park, definitions of the public, and democracy. *Ann. Am. Assoc. Geogr.*, 1995, vol. 85, no. 1, pp. 108–133.
50. Molotch H. The city as a growth machine: Toward a political economy of place. *Am. J. Sociol.*, 1976, no. 82, no. 2, pp. 309–332.
51. Vendina O.I. Muscovites and newcomers: strategies for mutual adaptation. *Reg. Res. Russ.*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 395–403.
52. Wacquant L.J.D. *Parias urbains. Ghetto, banlieues, État*. Paris: La Découverte, 2006. 332 p.
53. Wilkes R., Iceland J. Hyper-segregation in the twenty-first century. *Demography*, 2004, vol. 41, no. 1, pp. 23–36.

Social Space of Moscow: Peculiarities and Patterns

O. I. Vendina^{1, *}, A. N. Panin^{2, **}, and V. S. Tikunov^{2, ***}

¹ Institute of Geography RAS, Moscow, Russia

² Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

*e-mail: o.vendina@gmail.com

**e-mail: alex_panin@mail.ru

***e-mail: vstikunov@yandex.ru

Received February 13, 2019; revised May 25, 2019; accepted July 19, 2019

The article presents results of the research project aimed to explore intra-urban differences in Moscow. The concept of “social space” — a dual reality, which is derived from both social relations and territorial characteristics, was employed as a theoretical background of the research. Various quantitative parameters for each of 125 Moscow municipal districts were used. They include data of Census-2010, current socio-economic and demographic statistics, migration data, results of recent electoral campaigns, real estate indicators and local survey data. The indexes of ethnic diversity, demographic shifts, urban environment diversification, people feelings, and place reputation were calculated. A few classifications of Moscow districts are proposed. Maps showing different dimensions of the social space of Moscow are presented. The comparative analysis of the constructed images reveals an increasing fragmentation and polarization of Moscow social space: the cleavages became more apparent, the socio-spatial gradients have risen. The inequality strengthening led to a tangible division in the level of amenities by municipal districts, to the improvement of urban environment and increase in benefits in some areas, and stagnation in another. The authors conclude that politics targeted at improving the connectivity of the urban spaces and the social milieus, as well as adjusting diversity of urban environment with diversity of urban population, is required to reduce a risk of segregation. This kind of politics and activities is most in demand in the areas where the growth of ethnic and cultural diversity of local residents takes place in the context of development deficiency, relative isolation, and social exclusion.

Keywords: Moscow, social space, segregation, spatial model, typology, group interactions, ethno-cultural diversity.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201963-17>